

Ольга АНИКИНА

СЕРДЦЕ КУХАРКИ

...Даже обидно: на карте маленький черный кружочек поставлен, вроде как муха погуляла и памятку свою поставила, а название обозначено такими крохотными буковками, что и прочитать невозможно. Географии эти про самое главное забывают: про человека, про венец творения божьего.

Е. Н. Чириков. Городок

«Десять лучших фильмов и десять лучших книг. Все эти провозглашенные списки. Для кого они? На кого рассчитаны? <...> Они, наконец, узнают о том, что Модии гениален. Но Сутина вряд ли поймут. Какой такой Сутин? Ведь его нет в списке! Он одиннадцатый, его нет в обязательной программе» — это слова из блога Каринэ Арутюновой, русской писательницы с армянскими корнями. Списки из десяти (вариант — из пяти, семи...) книг, необходимых к прочтению, короткие картотеки, которыми пестрит Интернет, якобы расширяющие наш кругозор, на самом деле сужают его до уровня туннельного мышления. Нам не надо вспоминать одиннадцатого. И двенадцатого тоже. Их можно спокойно забыть. А между тем новые хорошие писатели не прибывают в литературу с той скоростью, с какой забываются прежние. Их весьма немного, несмотря на кажущуюся переполненность книжных магазинов.

Ольга Николаевна Аникина родилась в 1976 году в Новосибирске. Окончила Новосибирский государственный медицинский университет. Кандидат медицинских наук. Закончила Литературный институт им. А. М. Горького. Поэт, прозаик, переводчик. Член Союза писателей Санкт-Петербурга с 2016 года. Печаталась в журналах «Новый мир», «Дружба народов», «Москва», «Волга», «Сибирские огни», «Аврора», «Бельские просторы», «Дети Ра», «Зинзивер», и других. Автор четырех сборников стихов и романа «Тело ниоткуда», награжденного дипломом премии им. Гоголя в 2015 г. Лауреат Международного поэтического конкурса им. Н. С. Гумилева «Заблудившийся трамвай» (2013, 2015), Международного фестиваля русской поэзии «Пушкин в Британии» (2013). Живет в Санкт-Петербурге.

Об этом я размышляла, когда мои друзья, живущие в поселке Комарово, показали мне один старый заброшенный участок. Она находится на Лесной стороне, на углу 1-й Дачной улицы и Косого переулка. За покосившимся забором стоит зеленовато-серый дом с легкой трехъярусной башенкой, почти полностью заслоненной разросшимися на участке елями. Согласно данным архивных материалов, этот участок принадлежал Валентине Чириковой, жене писателя Евгения Чирикова. Говорили еще, что писатель дружил с художником Репиным и не раз гостил у того в Куоккале. И это все. Книг Чирикова в местной комаровской библиотеке не было, да и сама библиотека на тот момент оказалась расформированной.

Действительно, современному читателю Евгений Чириков известен нешироко. Детские произведения Чирикова в Советском Союзе издавались в 20-е и 30-е годы, единичные образцы прозы были опубликованы в двухтомнике «Русские повести 19 века» в 1957 году, а когда в 1961 году отдельной книгой вышли «Повести и рассказы», по иронии судьбы в этот сборник цензура отобрала только остросоциальную прозу, рассказы об интеллигентах и разночинцах, о народниках, чье существование так бесславно прекратилось под давлением суровой российской действительности (рассказы «Инвалиды», «Студенты приехали», «Капитуляция»). И только в последнее время литературоведы заново заговорили о Чирикове как о самобытном русском писателе. Изнутри эпохи не всегда видна сама эпоха, и в этом мы убеждаемся неоднократно. Как раз миниатюры, сказы и детские истории Чирикова, в пух и прах раскритикованные в свое время М. Кузминым¹, оказались написанными «вне времени», их притчевость завораживает современного читателя, а знание детской психологии ставит их в один ряд с художественным наследием А. И. Куприна, А. П. Чехова и И. С. Шмелева.

Бытует мнение, что причиной срочного отъезда Чирикова за границу было письмо, написанное в 1920 году В. И. Лениным своему бывшему однокашнику; в письме Ленин предупреждал писателя: «Уважаю Ваш талант, но Вы мне мешаете. Я буду вынужден Вас арестовать, если Вы не уедете»². Чириков уехал. У него были давние разногласия с властями: еще до революции он зарекомендовал себя как писатель, сочувствовавший народникам, и потому считался политически неблагонадежным. Но чем дальше — тем отчетливее к писателю приходило понимание того, что революция не принесла стране тех свобод, о которых мечтали «последние русские романтики». Он писал: *«Всего более меня оттолкнула от профессиональных революционеров демагогическая ложь и неразборчивость в средствах и безжалостность по отношению к трудовым массам, которые они толкают на смерть, в жертву своим фанатическим идеям»*³.

«Волжские сказки» Чирикова, вышедшие в 1916 году, представляют собой сборник народных преданий. Это был один из первых русских сборников сказов, увидевший свет. Только в 1924 году издаст свои «старины» Б. Шергин, которые он назовет «У архангельского города, у корабельного пристанища». В том же 1924 году выйдет первая книга П. Бажова «Уральские были» и первая публикация С. Писахова в сборнике «На Северной Двине». Но если сказы Шергина, Бажова и Писахова универсальны — это и детская литература, и истории для взрослых, то «Волжские сказки» Чирикова — истории, неотделимые от рассказчика, они далеки от стилизаций, и, несмотря на это, в них бережно сохранен дух русской старины. Писатель собрал в книге архетипические образы (Лесачиха, Русалка, Белая Роза), пре-

¹ М. Кузмин. Заметки о русской беллетристике. Аполлонъ, 1910, № 9.

² А. Люсьи. Е. Н. Чириков. Зверь из бездны. Знамя, 2001, № 8.

³ Чириков Е. Н. На путях жизни и творчества: отрывки воспоминаний // Лица. М.; СПб., 1993. Вып. 3. С. 367.

образованные в народную легенду исторические события («Стенькина казна», «Бич Божий», Невесты Христовы»), и сами старые предания («Святая Гора»). Это — истории для взрослых, до которых Чириков пытался «достучаться», разбудить в них чувство родины. Именно о них он потом скажет: *«Люди в очках и с книгами <...>. Они прогнали нас с родины... Это чародеи, перед которыми пропадают все тайны гор, лесов и морей»* («Зверь из бездны»).

Работая с притчей, Чириков не подчеркивает сказочную ее составляющую, наоборот, он скорее отчетливей описывает бытовые фрагменты, делая выдумку абсолютно реалистичной. В сказке «Белая роза» писатель композиционно решает проблему, смещая окуляр авторского взгляда с людей на предметы, растения и прочую «мелочь». М. В. Михайлова считает эту сказку вариантом сказки Оскара Уайльда⁴, однако от Уайльда здесь нет ничего, кроме героев, да и те пришли к нам из бродячего сюжета о соловье и розе, рожденного задолго до Уайльда (вспомним Андерсена, а из русских — Кольцова и Пушкина). Даже, может быть, сказка Чирикова — скорее зеркальный парафраз на восточные мотивы (Хафиз), но парафраз пронзительно, неоспоримо русский.

Детские рассказы Чирикова занимают особое место в русской литературе. Чириков пишет о том, как трудно ребенку разобраться с устройством общества, в котором взрослые установили непонятные, зачастую нелогичные законы. Ребенок в рассказах Чирикова воспринимает мир исключительно эмоционально, он не рефлексировать, не отягощен чувством вины, он отражает окружающий мир и, «считывая», вбирает его в себя. Писатель говорит о том, какими маленькими и второстепенными бывают взрослые люди («Моя жизнь», «Белая роза»).

Бродячие сюжеты — еще одна особенность, в которой Чирикова упрекали его современники. Во времена Аристотеля считалось, что в писательском арсенале присутствуют 36 сюжетов, и такое мнение держалось до позапрошлого века, в том числе его придерживался Виктор Гюго. Однако всего лишь полвека спустя один из родоначальников магического реализма Хорхе Луис Борхес скажет, что в литературе существуют всего лишь четыре сюжета, а Кристофер Букер расширит их количество до семи, и не более. При таком раскладе почти любой сюжет становится бродячим, а значит — «вечным». И тем не менее именно умение работать с популярным бродячим сюжетом говорит об уровне писательского профессионализма, точно так же как любовная лирика (апофеоз «вечных тем») считается высшим поэтическим мастерством. И в руках мастера бродячий сюжет не теряет смысл, а, наоборот, «добывает» его, разворачивает. И можно проследить, как это происходит. Например, в рассказе «Хаврюшка», где поросенок, любимец детей и их живая игрушка, попадает все-таки на хозяйский стол, между мальчиком и кухаркой возникает такой диалог:

— Скверный ты пес, гадкий! Володя! Он ест Хаврюшу... Все вы гадкие, все, и ты, кухарка!

— А мне, думаешь, самой не жалко?

— Скажешь — не ела?

— Ела... Чего уж... А как жарила, так поплакала...

Вот оно, беспамятство взрослых, которые сумели забыть и обесценить все то, что когда-то доставило им счастье, но и неисцелимую боль. Все то, что невозможно было ни пережить, ни принять, ни объяснить. Утрата и вина — страшные испы-

⁴ М. В. Михайлова Люди и звери Евгения Чирикова. Портал «Слово» <http://www.portal-slovo.ru>

тания, которые не выдержало сердце ребенка — и оно медленно и постепенно превратилось в сердце кухарки. Единственно для того, чтобы выжить.

Первое столкновение маленького человека с несправедливостью мира взрослых — всегда болезненно. Дорогие подарки на елке достаются только детям богатых родителей, близкого человека безжалостно вырывают из твоей жизни, а домашнее животное, предназначенное на убой, рано или поздно все равно зарежут. И Бог, ласковыми глазами глядящий со стены, ничего не может с этим сделать.

Хорошо, очень удобно было молиться в таком положении — головой в подушку...

— Милый Иисус Христос! Пусть я скорей вырасту большой и сделаюсь очень сильным... Сильнее дворникова Васьки!.. И очень храбрым, как богатырь... Тогда я им задам... Помилуй маму, и меня, и Алешу, дай пап царство небесное, а им пусть... пусть они — в ад... Пусть там живут вместе с чортом... Пусть в огне мучаются, а пить им пусть не дают... (*«На пороге жизни, 1906»*).

Конечно, эти рассказы кажутся в наше время немного наивными. Некоторые из них («Лощадка», «На пороге жизни») имеют традиционный для XIX века морализаторский финал, и мораль в них выведена слишком отчетливо. Кстати, об этой особенности своего стиля 1909—1911 годов писатель, кажется, догадывался. Об этом говорит история публикаций рассказа «Дуняшка». В окончательном варианте этого рассказа автор просто отрезал финал, где уже взрослая Дуня, которую вдруг кто-то окликнул «мадам», так трогательно печалится об ушедшем деревенском детстве. После удаления фрагмента в рассказе появилось «место для воздуха», сместились акценты, и на передний план выплыло то, что впоследствии окажется основной стилистической особенностью чириковской прозы: умение огорошить читателя «миссией первого свидетеля». Описанные человеческие чувства возникают перед читателем мгновенно, во всей простоте и наивности, чувства абсолютно знакомые, обнаженные до стыдобы. Я не упомянула еще тему радости у Чирикова: разговор о радости у Чирикова таков, что сам по себе способен вызывать свет, производить ликование из воздуха.

На утре жизни душа раскрыта только для радости... Детская печаль, как мимолетная тучка в голубой летний день: спряталось солнышко, нахмурилось небо и земля, а вот уже опять засверкали и речка, и луга, и тесовая крыша новой избы, и опять радость полилась в душу и от земли и от неба (*«Дуняшка», 1911»*).

В эмиграции Е. Н. Чириков создаст крупное полотно, роман «Отчий дом», который будет опубликован в 1921—1922 годах. Это семейная история аристократов, бывших князей Кудышевых, попавших в немилость и еще при Павле I потерявших титул и влияние, — это сага о семье и об эпохе. В романе есть сцена, когда «блудные дети» возвращаются домой и, казалось бы, обретают долгожданный покой. Но покой этот оказывается мнимым, уютный уклад превращается в проходной двор, дом разворачивается и разрушается. «Дети одной семьи, рожденные на протяжении менее одного десятилетия, братья казались людьми трех взаимно отрицающих друг друга поколений». Так гибнет семья, пропадает дом, исчезают традиции.

С чем же тогда остается человек? Он тоже пропадает, растворяется, остается только оболочка, потому что невозможно жить, не сохранив в себе самого ценного. Такова действительность, и очень мало в ней от «Царства сказок».

«Говорят, что самый вредный и страшный человек — это человек, прочитавший только одну „умную книгу“», — писал Е. Н. Чириков в романе «Зверь из бездны».

Но и человек, прочитавший «Десять главных книг русской литературы», мало чем отличается от человека, прочитавшего только одну. Достижение регламентированного кем-то предела дает ему право быть «довольным» по Ибсену, а следовательно — право решать судьбу наследия, в том числе того, которое не вписалось в регламент. Вычеркивать из школьной программы книги Куприна и Бунина. Сносить дома в Печатниковом переулке. Жечь старые комаровские дачи. Именовать провинцию — провинцией, вешая на географическую территорию ярлык второстепенности. А после — сетовать на то, что современная русская литература так не похожа на ту, что существовала полтора века назад, что в ней царят эпигонство и местечковость. На то, что у нее — «сердце кухарки».